

«ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ», «ФЕОДАЛИЗМ» И «ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ» ВО ФРАНЦИИ XVII В.: ПОЛЕМИКА В ИСТОРИОГРАФИИ 1960–2006 ГГ.

Г. Лемаршан

Британский исследователь Перри Андерсон¹, известный коллегам-историкам, изучающим Новое время, в числе прочего, своей книгой «Абсолютистское государство» (1974), считает, что 1960-е годы во Франции ознаменовались невероятным всплеском литературной и интеллектуальной активности, плодами которой было множество новаторских произведений, прежде всего, в гуманитарных науках, и что «нулевые» годы XXI века, по сравнению с блистательными 60-ми, стали периодом регрессии, консервативности и боязни творческой мысли. Объяснить феномен 60-х помогают несколько факторов, способствовавших сорок с лишним лет назад созданию благоприятного климата: послевоенный экономический рост, начало периода «славного тридцатилетия» («Trente glorieuses»); своего рода научный оптимизм, связанный с проникновением в повседневную жизнь инновационных технологий, которые были разработаны во время Второй мировой войны и теперь приспособлялись к мирным целям; существование еще одного, далекого от капитализма, общественного строя, о чьих недостатках пока было мало известно и оставалась надежда, даже у его противников, что он, по крайней мере, заставит западную цивилизацию двигаться вперед по пути прогресса; расширение международных контактов, обусловленное развитием транспортных средств и коммуникаций. В исторической науке 60-е годы отмечены триумфом направления, заданного хорошо известной триадой «Анналы» – Лабрусс – Бродель, то есть это была эпоха убедительного превосходства «экономической и социальной истории», испытавшей на себе влияние марксизма – работ собственно Маркса и Энгельса, а не сталинской догматики.

И еще, несмотря на административные препоны, в ту пору значительно расширился двусторонний обмен информацией о научных исследованиях, которые велись в Западной и Восточной Европе. В нашей стране были приложены пусть и не титанические, но все же реальные усилия к тому, чтобы лучше узнать о достижениях историков с того берега Эльбы. Французское книгоиздание всегда уделяло мало внимания переводам иностранных произведений, и появление

Ги Лемаршан, Руан.

¹ Anderson P. La pensée tiède. Un regard critique sur la culture française (2004). Trad. P., 2005.

французского перевода книги Б. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» (М., 1949)² стало событием, и событием уникальным. Также необходимо упомянуть еще одно издание на английском, – более доступном для понимания французами языке, чем русский: «French absolutism: the crucial phase» А. Люблинской (Кембридж, 1968). Но самым богатым источником сведений были исторические журналы – статьи ученых из СССР и стран соцлагеря печатали *Annales ESC*, *Annales historiques de la Révolution française*, *Annales de Démographie historique*. В массиве исследований на тему Нового времени для понимания возможного механизма распространения и влияния революционных идей за пределами Франции наиболее важен XVIII век, но это не единственный ключевой период истории, и часто авторы выходили за его рамки, обращаясь к XVII, а то и к XVI столетиям, в связи с чем целые выпуски посвящались историческим изысканиям, которые воссоздавали широкую панораму прошлого отдельных стран (номера «Исторических анналов Французской революции» о Венгрии, о румынских княжествах и т.д.). Журналы *Recherches Internationales à la lumière du marxisme* и *La Pensée* тоже взяли на вооружение эту практику. Помимо того проводились симпозиумы с участием французских и восточноевропейских историков, издавались материалы этих мероприятий на французском языке: так, с 1966 по 1985 гг. состоялось шесть франко-венгерских симпозиумов. В то же время, в условиях «оттепели», последовавшей за XX Съездом КПСС (1956 г.), произошли перемены и в коммунистических государствах – там стали появляться публикации на французском и английском языках, а Международный комитет по историческим наукам положил начало изданию сборников материалов Конгрессов, выходявших с 1955 года раз в пять лет, как например «Новые исторические исследования» в Бухаресте. К «Французскому ежегоднику» (*Annuaire des études françaises*) в Москве добавляются другие периодические издания по истории, почти полностью на французском или английском языках, такие как *Acta Poloniae Historica* в Варшаве, «Румынский исторический вестник» в Бухаресте, «Балканские очерки» в Софии, не говоря уж об *Acta Albanica* в Тиране. А историки из стран соцлагеря свободно выступали с докладами на французском языке на Международных конгрессах по историческим наукам и на разнообразных научных мероприятиях, проводившихся по инициативе французов, в частности на большом симпозиуме «Разрушение феодального строя в западном мире», организованном в 1968 г. Ж. Годшо³.

Благодаря всем этим публикациям и открытым дискуссиям в центре научно-исследовательских интересов наряду с прочими эпохами

² Porchnev B. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. P., 1963.

³ См.: L'abolition de la féodalité dans le monde occidental. 2 vol. P., 1971.

оказался и французский XVII век – отрезок времени между «умиротворением» королевства Нантским эдиктом и смертью Людовика XIV, то есть период, который традиционная историография называла «Великим веком» или веком роста и апогея «французского превосходства». Именно это устоявшееся представление и было поколеблено в 60-х годах издававшимися одна за другой работами, в числе которых можно назвать «Бове и Бовези» П. Губера, его же «Людовик XIV и двадцать миллионов французов»; «Народные восстания во Франции перед Фрондой» Поршнева, а также написанное уже в другом ключе «Введение во Францию Нового времени: опыт исторической психологии» Р. Мандру⁴. Эхо той полемики не смолкало почти три десятка лет, с начала 50-х годов до 1980 г., а затем не то чтобы пропало совсем, но поутихло, поскольку дух времени заметно изменился. В капиталистическом мире разразился кризис, начавшийся с «первого нефтяного шока», серьезные потрясения в Польше вскрыли недостатки системы в социалистических странах, а в исторической науке историографы и эпистемологи стали активно критиковать любой идеологический подход к воссозданию прошлого. Поэтому мы проанализируем теоретические разногласия в историографии 1955–1980 гг., затрагивающие вопросы французской истории XVII в., рассмотрим главные направления и особенности эмпирических исследований на эту тему, и наконец, попытаемся выяснить, развивается ли сегодняшнее представление о XVII столетии в русле течения, заданного эпохой триады «Анналы» – Лабрусс – Бродель, и чем оно обязано восточноевропейским историкам.

I. Теоретические споры по поводу характеристики Старого порядка

1960-е годы примечательны, прежде всего, тем, что в ту пору широко развернулись теоретические дебаты – явление, для французской историографии редкое. Речь тогда шла не просто о характеристике французского общества XVII века – эта историческая эпоха между Религиозными войнами и событиями, предвосхитившими Революцию, оказалась ключевым моментом для изучения всего периода Нового времени. В процессе дискуссии сразу возник вопрос о преимуществах термина «феодализм» (*féodalisme*) перед «феодальными отношениями» (*féodalité*), что и не удивительно, ведь если принять в расчет, что множество особенностей социального и экономического уклада эпохи Средневековья продолжили свое существование и после 1600 г., понятие «феодальные отношения» не может охватить все разнообразие жизни общества тех времен. Это словосочетание часто использовалось

⁴ *Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis 1600–1730. 2 vol. P., 1960; Idem. Louis XIV et vingt millions de Français, P., 1966; Mandrou R. Introduction à la France moderne : essai de psychologie historique 1500–1640. P., 1961.*

медиевистами между Первой и Второй мировыми войнами и даже в начале 1960-х, однако оно, с одной стороны, имеет тесные смысловые рамки, в которые входят только отношения между людьми, то есть личная связь человека с человеком (протекция и вассальная зависимость), а также система привилегий – специалисты по Средним векам считают, что и то и другое начиная с XIV столетия постепенно теряло свою значимость и исчезало. С другой стороны, эти социальные институты и практики касались только высокопоставленной и очень малочисленной части общества⁵, а значит концепция «феодалных отношений» не всеохватна. Куда более претенциозное понятие «феодализм» исходит, как известно, от Маркса и Энгельса, но ни один из них не дал ему обобщающей четкой дефиниции. Термин подхватили советские историки и стали, не колеблясь, использовать его применительно к «Великому веку» во Франции, а ученые из стран соцлагеря употребляли его в трудах по истории собственных государств. Он вошел в обиход также у многих специалистов из Англии и США, чьи работы тогда часто переводились и издавались во Франции⁶. Да и, наконец, французские историки, близкие к марксизму, тоже взяли его на вооружение. В 1968 г. состоялась полемика по этому вопросу на симпозиуме в Центре марксистских знаний и исследований (CERM)⁷ с участием А. Собуля, П. Вилара, Р. Мандру, Ж. Дюпакье, Андре Береловича, А. Люблинской и др. В том же году на международном симпозиуме, организованном по инициативе Ж. Годшо⁸, было даже сформулировано определение, приведенное к общему знаменателю А. Собулем, А. Виллани (Италия) и К. Бендой (Венгрия), но определение не феодализма, а феодальных отношений, далекое от того, что понимали под этим словосочетанием медиевисты. Речь на симпозиуме шла об «экономической, социальной и политической системе, основанной на изъятии у земледельцев части доходов аристократией, преимущественно земельной, обладающей политическими привилегиями и правом вершить

⁵ Две фундаментальные работы тех лет по средневековой истории: *Ganshof F.* Qu'est-ce que la féodalité? Bruxelles 1944 (неоднократно переиздавалась); *Bout-ruche R.* Seigneurie et féodalité. Т. 1. Le premier âge des liens d'homme à homme. P., 1959; Т. 2. L'apogée XI–XIIIe siècle. P., 1970.

⁶ *Dobb M.* Etudes sur le capitalisme (1946). Trad. P., 1969 (охватывает эпоху Нового времени в Западной Европе); *Dobb M., Sweezy P.M.* Du féodalisme au capitalisme: problème de la transition. 2 vol. P., 1977 (сборник статей); *Hindess B., Hirst P.Q.* Pre-capitalist modes of production. L., 1975. Журнал *Past and Present* в те годы опубликовал на тему перехода от феодализма к капитализму множество статей, затрагивающих и XVII в.

⁷ Материалы симпозиума, проведенного Центром марксистских знаний и исследований в апреле 1968 г.: *Sur le féodalisme, colloque du Centre d'études et de recherches marxistes, avril 1968.* P., 1971.

⁸ *L'abolition de la féodalité dans le monde occidental, colloque Toulouse 1968.* 2 vol. P., 1971. Проблематика докладов затрагивает также историю Восточной Европы и восходит к XVII в.

суд». В те годы было достигнуто всеобщее согласие по поводу того, что феодализм или феодальные отношения применительно к истории XIV–XVIII вв. означают особый уклад жизни общества, при котором земля является главным средством производства и социальной ценностью, а крестьяне-земледельцы эксплуатируются меньшинством, находящимся в прямом или косвенном владении этой землей и обладающим политической властью, – эти элементы с некоторыми оговорками можно включить и в характеристику Франции XVII века.

Однако стоило внимательнее присмотреться в свете этой концепции к переходному периоду – упадку феодализма и зарождению капитализма, – как между историками возникли крупные разногласия. Собуль, рассуждая о XVIII столетии, и Губер, который не употребляет слова «феодализм» в характеристике Франции XVII в., но рисует картину жизни общества той эпохи в соответствии с основными чертами этого строя, оба настаивают на том, что важные составляющие средневекового уклада сохранялись вопреки развитию рыночной экономики. Им в противовес Поршневу ускоряет рост капитализма и говорит о «феодально-абсолютистском» режиме (при Людовике XIII и Людовике XIV) как о попытке остановить эту эволюцию в интересах старых феодальных структур. Люблинская заходит еще дальше и пишет о разрушении феодализма под воздействием набирающего силу рыночного капитализма. Для нее купечество, сбывающее товары протопромышленности, – уже индустриальная буржуазия, а в большинстве она видит некую смешанную форму общественных отношений на коммерческой основе, и крестьяне становятся у нее почти полноправными собственниками земельных наделов, в связи с чем экономическая база абсолютизма, по ее мнению, находится на пути к исчезновению. Изданная в 1970 г. монография В. Кулы о польском феодализме⁹ подбросила дров в огонь споров. Все участники дискуссии понимали, что модель, предложенная польским ученым, не подходит для Западной Европы, однако многие воспользовались случаем высказаться, и в итоге в статьях, опубликованных, в частности, *La Pensée*, прозвучала концепция «экономической и общественной формации». Яснее других ее сформулировал П. Вилар¹⁰, поначалу относившийся к самому понятию «экономической и общественной формации» настороженно. Тем не менее именно он расширил рамки полемики Люблинской и Собуля, высказав мысль о том, что способ производства – это некая идеальная модель, которая на

⁹ Kula W. Théorie économique du système féodal. Pour un modèle de l'économie polonaise XVI–XVIII siècles. P., 1970. См.: Aymard M. L'Europe moderne : féodalité ou féodalités ? // Annales. 1981. № 3.

¹⁰ Vilar P. Histoire marxiste, histoire en construction // Annales. 1973; статья также вошла в сб. : Une histoire en construction. Approche marxiste et problématique conjoncturelle. P., 1982. Библиографию по этим вопросам см. в статье: Lemarchand G. La question de la transition en Europe du féodalisme au capitalisme et l'apport d'A. Soboul // Bulletin d'Histoire de la Révolution française. 1992–1993.

деле реализуется с большей или меньшей степенью полноты в зависимости от местности и ее особенностей, и если общественная формация располагает доминирующим способом производства, в ней равно представлены различные институты и практики, характерные как для старых, так и, возможно, для грядущих способов производства. И наконец, понятие «времени большой [многовековой – Г.Л.] длительности», разработанное Ф. Бродедем¹¹ на стыке этнологии и социологии, в 1958 г. предоставило необходимую хронологическую схему для применения на практике этих концепций, которые не действуют в рамках обычных временных периодов, служивших объектом исторических исследований до 1950-х – 1960-х годов.

В те десятилетия велась и еще одна серия научных споров, также имевших отношение к характеристике французского общества XVII века, – обсуждался вопрос, было ли это общество сословным или классовым. Отголоски той полемики, на сей раз сугубо франко-французской, звучали и за пределами Франции. По существу она была параллельна первой: концепция классового общества опиралась на идею феодализма, но тема способов производства в данном случае не затрагивалась, поскольку акцент ставился на интерпретативные схемы и методы одной лишь социальной истории в широком смысле, без привнесения политики и экономики. Один за другим, в 1965 и 1967 гг., состоялись два симпозиума с примерно одинаковым составом участников – специалистов по истории Нового времени¹². На первом собрании Собуль, докладчик по главной теме, сразу подчеркнул власть социальной детерминированности над поступками индивидуума, что было отходом от «истории великих людей», получившей распространение в период между Первой и Второй мировыми войнами, а также выдвинул концепцию классов, исходя из различных критериев, главными из которых он назвал собственность на средства производства и место в процессе производства. По отношению к XVII веку такая стратификация связана с угасающим, но все еще присутствующим феодализмом. Разумеется, деление на классы стало возможным благодаря использованию статистики – сейчас это звучит банально, но в 60-х было настоящим прорывом. Мунье противопоставляет этой концепции «сословное общество»¹³, которое являет собой своего рода зеркальное отражение пирамиды социальных инстанций, увиденной с

¹¹ Braudel F. La longue durée // Annales. 1958. № 4; перепечатана в кн.: *Ecrits sur l'histoire*. P., 1969.

¹² См.: *L'histoire sociale. Sources et méthodes* (1er colloque d'histoire sociale Saint Cloud 1965). P., 1965; *Ordres et classes* (2e colloque Saint-Cloud 1967). P., 1974.

¹³ См.: *Mousnier R. Problèmes de stratification sociale*. P., 1988 (доклад на симпозиуме 1966 г., ответ на главные вопросы симпозиума в Сен-Клу 1965 г.); *Idem. Fureurs paysannes : les paysans dans les révoltes du XVIIe siècle*. P., 1967. О концепции Э. Лабрусса см.: *Novella Borghetti M. L'œuvre d'Ernest Labrousse. Genèse d'un modèle d'histoire économique*. P., 2005.

материалистической точки зрения. «Каждая социальная группа находится в плену уже установившегося, общепринятого мнения о своем звании и достоинстве... своих привилегиях... занятиях, подобающих каждому из ее членов. Степень богатства отдельного человека определяется в конечном счете его социальным статусом...». То есть иерархия власти и почестей, по его мнению, зависит от психологического выбора людей эпохи, а не от уровня и источников их доходов, не от количества и качества элементов, из которых складывается их состояние. Основным источником сведений об обществе прошлых веков, согласно Мунье, являются словари и юридические документы, поскольку именно в них отражается представление людей того времени о самих себе. Историк может выстроить шкалу материальных благ и барышей, но ключ к пониманию социального неравенства дают оценочные суждения современников, коллективное поведение и законы. Однако многим историкам концепция «классового общества» представлялась более гибкой, поскольку она, в отличие от концепции Мунье, не исключала наличия и других социальных групп – ведь сословное общество действительно существовало, и было бы нелепо отрицать важность привилегий, которые подтверждаются историческими документами, – Э. Лабрусс даже говорит о «сосуществовании классов и сословий». Но все же сословия, при всей их значимости для жизни общества, – это лишь поверхностный, юридический пласт, скрывающий под собой многогранную реальность. Во Франции XVII века дворянство занимало высокое место на шкале коллективного уважения и в политической структуре благодаря своему праву собственности на землю, сеньории и личным привилегиям. Таким образом, первый симпозиум в Сен-Клу со всей ясностью выявил серьезные разногласия между двумя историографическими школами – редкий случай для французского научного мира, где обычно царят тишь да гладь.

Участники второго симпозиума в Сен-Клу, подводя итог накопленным знаниям и пробелам в знаниях, пошли дальше и поставили перед собой цель определить главные черты общества Нового времени. На будущее, для обсуждения на предстоящих научных мероприятиях, был составлен список вопросов – настоящая схема анализа экономических структур и системы общественных отношений. В центре внимания оказались четыре пункта: социальная терминология эпохи как отражение представлений людей о своем обществе; привилегии на деле и в сознании современников; сельский мир во всем его многообразии – специфика менталитетов, противоречия и внутренняя борьба; города, их привилегии и внутренние различия. В процессе дебатов акцент ставился – в первую очередь Лабруссом и Губером – на имущественное неравенство, пропасть между бедными и богатыми, увеличивающуюся в период экономического роста; на основополагающую роль собственности и земельной эксплуатации в иерархии сельских жителей; на противостояние город-деревня, в основе которого

находились скорее финансовый и социальный факторы, нежели психологический; на общественную мифологию, которую поддерживали правящие классы, чтобы оправдать и обусловить свое превосходство.

И в 1965, и в 1967 гг. полемика оставалась исключительно франко-французской, однако ее участники на удивление охотно использовали понятия, которыми оперировали Поршнев и другие советские историки – «классовая борьба», «классовое сознание», – и, как и восточноевропейские авторы, большое внимание уделяли социальному неравенству. Со своей стороны, ученые из соцлагеря, особенно русские, поляки и венгры, изучая прошлое собственных государств, использовали термин «сословие» и анализировали сословную структуру обществ.

II. Исторические исследования 1955–1980 гг.

В научных работах тех лет, посвященных жизни французского общества XVII в., нет ссылок на предшествующую полемику, и поначалу кажется, что они далеки от прозвучавших ранее теоретических выкладок. На самом же деле, авторы этих работ в полной мере восприняли и использовали охарактеризованные выше концепции и намеченные направления исследований. До 1950 г. ученые черпали сведения об экономике прошлых веков чаще всего из исторических документов политического характера – эдиктов и постановлений Королевского совета, должностной корреспонденции, протоколов муниципальных советов, – а картина жизни общества воссоздавалась главным образом на базе разнообразных письменных источников, запечатлевших культурные и бытовые особенности, – то есть на основе мемуаров, частных писем, литературных произведений, гражданского законодательства. После периода 1950–1955 гг. началось систематическое изучение архивных материалов, к которым ученые редко обращались прежде. Речь шла о целом массиве анонимных и типовых документов. В оборот были взяты уже не только прејскуранты цен и реестры счетов предприятий, учреждений и частных лиц, но и приходские книги, податные списки, нотариальные акты (свидетельства о смерти, брачные договоры, уставы торговых обществ и т.п.), судебные материалы. «Анналы» М. Блока и Л. Февра, работы Э. Лабрусса и критика позитивистской методологии высветили новую проблематику, указав на то, что о самой многочисленной части общества Нового времени – о простом люде – известно слишком мало, поскольку этот социальный слой не оставил прямых письменных свидетельств о себе. Старая историография смотрела на простолюдинов глазами их образованных современников и проявляла интерес лишь к просвещенному сегменту общества, то есть всего к 5–20% людей той эпохи; в итоге воссоздавалась политическая история, описывалось устройство и функционирование государства, в котором не находилось места для

народа. Поэтому для того, чтобы проследить и понять работу всего социального механизма, выявить принцип его действия и неполадки, необходимо было – в неизбежном соответствии с диалектическим подходом – в первую очередь рассмотреть экономику, демографию и социальную стратификацию, при этом ни в коем случае не забывая ни о политике, ни о психологии, но политика и психология должны были занять менее значимое место и рассматриваться как элементы сложного целого. Вот три методологические работы, которые в начале указанного периода имплицитно задали программу исследований: фундаментальная статья Ж. Мёвре, книга М. Флэри и Л. Анри и доклад Э. Лабрусса на X Международном конгрессе историков¹⁴.

Образ французского XVII в., сложившийся в результате этих эмпирических исследований, не имеет ничего общего с тем помпезным памятником, который старая историография воздвигла победоносной эпохе, начавшейся с возрождения королевства при Генрихе IV и увенчавшейся расцветом искусств, изящной словесности и Версаля. Он также совершенно не соответствует позитивистской концепции истории, делающей ставку на личность и личностный фактор. В наши задачи не входит полный библиографический обзор книг и журнальных публикаций, вышедших с 1955 по 1980 г. – равно как и всех изданий начала XXI века, – формат статьи позволяет лишь наметить несколько главных особенностей французского общества XVII столетия, опираясь на фундаментальные труды указанного периода, остальные же научные работы, не менее важные, придется оставить за кадром. «Новый» XVII век, воссозданный в 1960-х, – это век, отмеченный печатью смерти, ознаменовавшийся циклическими кризисами: рост цен на хлеб, чума и другие инфекционные болезни, война, опустошающая закрома и кошельки, а также постоянно высокая детская смертность из-за отсутствия медицинской помощи и гигиены. Ж. Дюпакье в крупном масштабе показал губительные последствия продовольственных кризисов, не только влиявших напрямую на численность населения, но и негативно сказывавшихся на количестве заключенных браков и на рождаемости. И от всех этих бед в первую очередь страдал простой люд. Страх, внушаемый нестабильностью жизни, практически неотступно сопровождал человека¹⁵.

¹⁴ *Meuvret J.* Les crises de subsistances et la démographie de la France d'Ancien Régime // *Population*. 1946; *Fleury M., Henry L.* Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. P., 1956; *Labrousse E.* Les voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIIIe et XIXe siècles 1700–1850 // Xe Congrès International des Sciences Historiques. Rome 1955. Vol. 4

¹⁵ *Dupaquier J.* La population rurale du Bassin parisien à l'époque de Louis XIV. P., 1979; *Le Roi Ladurie E.* Paysans de Languedoc. 2 vol. P., 1966; *Lebrun F.* Les hommes et la mort en Anjou aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1971; *Delumeau J.* La peur en Occident XIVe–XVIIIe siècles. P., 1978; *Idem.* Le péché et la peur. La culpabilisation en Occident XIIIe–XVIIIe siècles. P., 1983. Последние из указанных работ стали плодами образования, полученного в Колеж де Франс в предшествующее десятилетие.

Главным фактором исторической динамики, введенным в научный оборот исследованиями 1960-х годов, стала – в отсутствие данных по контролю рождаемости – важная роль демографических колебаний большой протяженности, кривая которых на взлете указывает на дробление и обнищание крестьянских хозяйств за счет раздела имущества между детьми, а на спуске свидетельствует об экономической депрессии, вызванной сужением рынков сбыта и сокращением ремесленного производства.

«Великий век» также вписывается в длительный период безусловного главенства сельского хозяйства в экономике, причем сельского хозяйства, производящего в первую очередь для потребления, а не для сбыта, и характеризующегося очень низкой и нестабильной продуктивностью из-за прямой зависимости от погодных условий¹⁶. Конечно, создававшиеся в деревнях мануфактуры уже начинали приносить крестьянам дополнительный заработок¹⁷, однако скудное жалованье и колебания рыночной конъюнктуры исключали быстрый рост их благосостояния.

Собственность на землю и сохранение сеньории, отнюдь не приходившей в упадок, как считалось раньше, позволили дворянству сохранить свою позицию на вершине социальной лестницы и остаться самой богатой частью общества – их состояние прибывало за счет увеличения земельной и феодальной ренты с 1598 по 1650–70 гг., хотя встречались и благородные семейства, находившиеся на грани нищеты¹⁸. Противоречия между «дворянством шпаги» и «дворянством мантии» постепенно сглаживаются за счет межсословных браков, второе сословие по-прежнему навязывает всем свое превосходство и свой кодекс чести, оно контролирует церковную иерархию, а значит и влияние, которое та имеет в обществе. Известная со времен Гизо сказка о союзе монархии и третьего сословия так и не стала былью: король правит, опираясь прежде всего на поддержку знати, часто старых дворянских родов, и Кольбер не был буржуа¹⁹.

В результате экономического развития начинается расслоение крестьянства. В разных провинциях этот процесс шел с различной степенью интенсивности, тем не менее, деревенская община постепенно сдавала позиции. Замки и усадьбы обслуживались самыми бедными

¹⁶ Goy J., *Le Roy Ladurie E. Les fluctuations du produit de la dîme*. P., La Haye, 1972 ; *Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'An mil*. P., 1967.

¹⁷ Léon P. *La naissance de la grande industrie en Dauphiné XVIIe–XIXe siècles*. P., 1954. 2 vol. ; Deyon P. *Amiens capitale provinciale. Etude sur la société urbaine au XVIIe siècle*. La Haye, P., 1967.

¹⁸ Meyer J. *La noblesse bretonne au XVIIIe siècle*. 2 vol. P., 1966 (охватывает также вторую половину XVII века) ; Goubert P. *L'Ancien Régime*. T. 1. P., 1969.

¹⁹ Mousnier R. *Le Conseil du roi de Louis XII à la Révolution*. P., 1970 ; Bourgeon J.L. *Les Colbert avant Colbert*. P., 1973.

сельскими жителями, они же платили талью и другие налоги, покрывая военные расходы государства. На равнинах с развитой земледельческой культурой достигла процветания тонкая прослойка крупных фермеров, однако большинство крестьян близко нищете, провоцировавшей бродяжничество, что влекло за собой репрессивные меры со стороны городов и массовые аресты бедноты по королевскому указу²⁰. Что до буржуазии, то знать, занимавшая лидирующие позиции, перекрыла ей далеко не все пути, и, благодаря торговой деятельности и покупке должностей²¹, многим буржуазным семьям удавалось делать огромные состояния и получать дворянство, по крайней мере до реформ, коснувшихся дворянского сословия при Людовике XIV.

И, наконец, в новом облике XVII в. было куда меньше христианского единства. Безусловно, католический конформизм прочно утверджен и усилен реорганизацией церкви в эпоху Контрреформации. С одной стороны, иезуиты и урсулистки занимаются воспитанием отпрысков зажиточных родителей, с другой стороны, для простого люда открываются приходские школы и издаются благочестивые нравоучительные книжицы в серии «Голубая библиотечка»²². Тем не менее, часть народа выпадает из зоны влияния духовной и светской властей или, во всяком случае, плохо поддается контролю, несмотря на предпринимаемые властями усилия. В крупных городах очагами неповиновения могут стать ремесленные цеха, компаньонажам ничего не стоит подбить на бунт рабочих. В деревнях, вопреки стараниям обновленной церкви, сохраняются верования, близкие к язычеству и колдовству²³, а страх перед геенной огненной не удерживает мятежников от выступлений против налоговых чиновников или сеньоров. Даже в среде правящих классов появляется социальное и политическое недовольство, о чем свидетельствует распространение янсенизма.

В те же 1960-е годы в работах некоторых французских историков пока еще смутно, но все-таки просматривалась принятая советскими исследователями идея Энгельса о том, что религиозный язык может быть носителем светских запросов, поскольку именно церковным словом определялась картина мира. Однако трудно сказать, кто на кого больше повлиял – остается лишь констатировать определенное сходство в методах и теоретических построениях французских специалистов по XVII веку во Франции и восточноевропейских ученых, занимавшихся

²⁰ *De Saint-Jacob P.* Les paysans de la Bourgogne du Nord dans le dernier siècle de l'Ancien Régime. P., 1960; *Jacquart J.* La crise rurale en Ile de France 1550–1670.

²¹ *Goubert P.* Familles marchandes d'Ancien Régime. Les Danse et les Motte de Beauvais. P., 1959.

²² *Mandrou R.* La France aux XVIIe et XVIIIe siècles, P., 1967; *Idem.* De la culture populaire aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1964.

²³ *Ferté J.* La vie religieuse dans les campagnes parisiennes 1622–1695. P., 1962; *Perouas L.* Le diocèse de La Rochelle 1648–1724. P., 1964.

историей своих государств, в 1960-х годах. В двух историографиях тогда наметились одни и те же точки сосредоточения интересов. Например, за десять лет, с 1967 по 1976 г., *Annales de Démographie historique* опубликовали три статьи венгерских историков о населении их страны, а в *Acta Poloniae Historica* между 1964 и 1973 гг. напечатаны три статьи о народных восстаниях в Польше. В теоретическом плане схема изложения и толкования истории в Восточной Европе, как и во Франции, восходит от конъюнктуры цен и доходов и от демографической эволюции к социальным структурам и сословной системе, которая была сильна и четко выражена в представительных органах восточно-европейских государств в условиях слабого развития городов и на кровавом фоне крестьянских мятежей, всегда сурово подавлявшихся.

III. Что осталось после 2000 года от концепций 60-х?

1. Критика 80-х

В конце XX в. концепции 60-х были названы ограниченным экономизмом, узконаправленным социологизмом и подвергнуты другим нападкам, не вполне обоснованным, поскольку критики не потрудились изучить до конца научные работы тех лет²⁴. Количественный анализ, действительно, мог бы несколько «засушить» историческую науку, если бы она откасалась принимать в расчет субъективный фактор и перестала видеть за обобщениями сложную совокупность частных и многообразии реальных ситуаций. Поэтому начиная с 1965 г., Собуль настойчиво проводил мысль о том, что использование статистики не только не исключает, но даже требует изучения любых отклонений от генеральной линии, так как они вносят необходимые нюансы, богатую палитру оттенков в картину прошлого, вдыхают в нее жизнь, а такого материала XVII в. мог предоставить с избытком, и историки 60-х им не пренебрегли²⁵. В этом отношении показателен возникший тогда интерес к «семейным летописям» и сборникам провинциальных кутюм как к важным источникам сведений.

Еще одна претензия критиков к своим старшим коллегам: количественный анализ на основе определенных критериев, выбранных историком, отражает в большей степени субъективный взгляд исследователя, нежели социальную реальность. Конечно, при использовании любого социoproфессионального кода – будь то в XXI в. или в эпоху

²⁴ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire. P., 1996 ; *Dosse F.* L'histoire en miettes. Des Annales à la nouvelle histoire. 2e éd. P., 1997 ; *Idem.* La marche des idées. Histoire des intellectuels, histoire intellectuelle. P., 2003.

²⁵ Кроме монографии П. Губера о знаменитых семействах Данс и Мотт, см., например, книгу, посвященную совсем другой социальной среде: *Lottin A.* Vie et mentalité d'un Lillois sous Louis XIV. Lille, 1968.

Нового времени – возникает проблема пороговых значений. Но код Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) в том виде, в котором он предлагался, и даже в адаптированном варианте при всеобщем согласии был отвергнут из уважения к специфике каждого общества²⁶ – применительно к XVII в. специфику составляла сословная структура, радикально отличавшаяся от капиталистической. Очевидные недостатки и ограничения национального экономического учета не помешали британским историкам получить с его помощью некоторые результаты. Нотариальные архивы позволили, помимо прочего, подступиться к практическим классификациям, но социальные категории, которыми оперировали историки в 60-х годах, действительно материалистичны по своей сути. Однако же в основе всего этого лежали не теоретические, а эмпирические выкладки. Речь шла о важности производства в жизни подавляющего большинства горожан и сельского населения эпохи Нового времени, даже если стремление к высокой продуктивности и финансовой рентабельности у них было не так сильно, как у людей эпохи капитализма. В обществе XVII в. пропагандировалось презрение к физическому труду, который, между тем, был чрезвычайно важен в отсутствие машинного производства, и пропаганда этого презрения шла сверху вниз в социальной иерархии: дворянство и духовенство таким образом пытались оправдать свою главенствующую позицию, классовое превосходство. Помимо того, превалировала экономика скудости и даже дефицита, тогда как товарообмен набирал обороты – все это вынуждало историка отвернуться от частного, от индивида, и сделать предметом исследования некие региональные или национальные структуры в географическом и социальном плане. В свете вышесказанного, критика историками и эпистемологами конца XX в. концепций 60-х отчасти похожа на возврат к либеральному идеализму, хоть и в новой форме.

И тем не менее, «экономическая и социальная история» тоже не лишена определенных ограничений и недостатков, которые сейчас, в наши дни, видны гораздо отчетливее. Разработанная в 60-х теоретическая схема исследований была недостаточна широка. Так, концепция способов производства на практике превращалась, вопреки пожеланиям, например, П. Вилара²⁷, в нагромождение социальных и только социальных составляющих, а не в комбинацию факторов, то есть

²⁶ Ср. полемику на эту тему в статьях: *Daumard A. Une référence pour l'étude des sociétés urbaines en France aux XVIIe–XIXe siècles : le code socioprofessionnel // Rev. d'Hist. Mod. et Contemp. 1963. № 3; Tirat J.L. Problèmes de méthode // Ibid. 1964. № 4.* Современное издание *Cosandey F. Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime. P., 2005*; схема социальных различий и рангов сословного общества рассматривается как менее жесткая, что снижает, но не отрицает ее значимость.

²⁷ Pierre Vilar : une histoire totale, une histoire en construction / Sous dir. A. Cohen, R. Congost, P. Luna. P., 2006.

сложная проблема опосредованности не рассматривалась вовсе. В экономическом аспекте не обсуждался вопрос о соотношении между потреблением продукции самими производителями и рынком, развивавшимся пока еще медленно и неравномерно при низком уровне урбанизации. А между тем, налоговый гнет, нестабильность цен, кризисы дороговизны, дробление и без того мелкой собственности из-за долгов, разорявших ее владельцев, и наследственного раздела имущества во времена демографического роста, приводили к монетаризации, но сама монета при этом не имела широкого хождения – в обращении находились в основном биллоны, – не отличалась стабильностью и служила инструментом манипулирования для властей, что лишь усиливало губительные последствия вынужденного сокращения доли потребления собственной продукции мелкими производителями, работниками крупных отраслей промышленности в городах, крестьянами-собственниками и батраками в сельской местности.

Понятие «менталитет» в 60-х оставалось довольно расплывчатым и не оказало существенного влияния ни на концепцию культуры, ни на концепцию идеологии. Этот термин, как ни удивительно, на симпозиуме в Сен-Клу 1965 года прозвучал лишь раз, и то случайно. И наконец, если проводится очевидное различие между классом как субъектом и классом как объектом и поднимается вопрос о классовом сознании, само понятие «класс» не получает достаточной исторической обоснованности перед идеалистической концепцией, либо рассматривающей его как изначально цельное явление, либо, при отсутствии этой цельности, отвергающей его существование. Все эти пробелы и недочеты облегчили задачу скептически настроенным историкам и эпистемологам во главе с М. де Серто и П. Веном, раскритиковавшим концепции 60-х.

2. Общество XVII века: взгляд из 2000 года

Надо ли говорить о том, что наша концепция XVII века во Франции радикально изменилась, ведь накопился большой исследовательский материал. Во-первых, получили обоснование широкие хронологические рамки «феодального» периода, захватившие и это столетие. В центре внимания историков оказались, прежде всего, семья, повседневная жизнь и общественные отношения. Прочные семейные узы, родственная взаимозависимость и общность интересов, лежащие в основе всего, проявляются и в разделении ремесленного труда, к которому привлекались жена и дети мастерового, и в происхождении капиталов различных торговых или корабельных компаний. Семья – это еще и нажитое имущество, достояние, передающееся по наследству, но у многих ничего подобного не было, и, по мнению элит, они влачили существование как какие-нибудь животные, не имея чувства собственного достоинства. К сведениям, собранным в 1960-х, добавились и

некоторые уточнения²⁸. Распад большинства родовых общин на отдельные супружеские пары, создававшие собственные домашние очаги, о котором говорил П. Лалетт, не мешал активно поддерживать отношения разным поколениям родственников, и в некоторых провинциях сохранялась традиция жить большими семьями. При этом, сколь бы ни была сильна власть мужа и отца, статус жены и дочерей, находившихся, безусловно, в подчинении, являлся не таким уж заниженным, благодаря различным юридическим поправкам. В деревнях, несмотря на то, что поместьем зачастую разорялись или распялялись в наследственных разделах, сеньоры²⁹, в частности за счет своего права вершить суд, выполняли отнюдь не чисто декоративную функцию. Однако и матрицей земельного капитализма XIX века сеньория тоже не стала, поскольку слишком широко распространены еще были архаичные и консервативные привилегии и практики. В противостоянии сеньорам деревенское сообщество хранит единство и солидарность, невзирая на испытываемое давление и внутренние противоречия³⁰. Его структура и права варьируются от провинции к провинции куда заметнее, чем считалось ранее. Еще один социальный институт, характерный для феодализма, – ремесленные цеха. Их расцвет пришелся вовсе не на эпоху Средневековья, а на царствование Людовика XIV, особенно сильны они были в крупных городах, где развивалась промышленность, но создавались такие объединения не во всех отраслях деятельности³¹.

Сейчас общество XVII века представляется нам более сложным, чем казалось историкам в 60-е годы. Система классов, формировавшихся в сословном обществе, была выражена отчетливее, границы и различия между классами, а также внутри классов между социальными группами, выделявшимися главным образом по профессиональному признаку, – заметнее и строже. Тем не менее, как это ни парадоксально, общество было не таким уж закрытым, как утверждают юристы; внутренняя циркуляция, хоть и слабая, все же существовала, барьеры преодолевались. Исследования показали, что в матримонимальной стратегии наряду с общепринятой эндогамией многие семьи стремились к экзогамным бракам. На первый план вышла географическая

²⁸ *Flandrin J.L.* Famille, parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976; *Famille, parenté et réseaux en Occident XVIIe–XXe siècles* / Éd. A.L. Head-Konig. Genève, 2001; *Godineau D.* Les femmes dans la société française XVIe–XVIIIe siècles. P., 2003.

²⁹ *Constant J.M.* Nobles et paysans en Beauce aux XVIe–XVIIe siècles. Lille, 1981; *Gallet J.* La seigneurie bretonne 1450–1680: l'exemple du Vannetais. P., 1983; *Boehler J.M.* La paysannerie de la plaine d'Alsace 1648–1789. 3 vol. Strasbourg, 1994.

³⁰ *Wolikow C.* La communauté villageoise: autour de P. de Saint-Jacob // Histoire et sociétés rurales. 1996. № 1; *Pelaquier E.* De la maison du père à la maison commune: Saint Victor de la Coste en Languedoc 1661–1789. 2 vol. Montpellier, 1996.

³¹ *Poirineau A.* Ils travaillaient la France. Métiers et mentalités du XVIe au XIXe siècle. P., 1992.

мобильность, более активная, чем это допускает концепция оседлого населения. Прежде всего, это приток свежей крови в города, особенно крупные, которые при низком демографическом приросте превратились бы в дома для престарелых без непрерывной вереницы мигрантов, прибывавших туда из сельской местности в поисках заработка или вспоможения. Кроме того, начиная с XVII века или даже с более ранних времен, отмечаются масштабные сезонные миграции – с гор на равнины, из центра к окраинам или с окраин к центру королевства – ради получения временной работы³². Впрочем, эти феномены редко когда имели отношение к подъему по социальной лестнице, а, следовательно, не могли поколебать основ общественного уклада.

Что касается основных общественных классов, необходимо упомянуть о трех обстоятельствах, которым в 60-е годы историки не придали особого значения. Несмотря на то, что экономическая конъюнктура и общественное мнение зачастую не слишком благоприятствовали расцвету городской буржуазии, ее положение было не таким уж безнадежным, как предполагалось ранее. Если не считать принудительной продажи должностей, она в меньшей степени, чем деревенский люд, подвергалась финансовому гнету: города нередко освобождались от выплаты тальи. Разумеется, на буржуазию распространялись королевские принудительные займы и обязанность платить акцизы на ввозимые в города товары, но поскольку буржуазные династии сплошь и рядом занимали лидирующие позиции в муниципалитетах, которые обладали большей свободой действий, чем можно было бы подумать, они не упускали реально существовавшую возможность переложить это бремя на плечи простых покупателей за счет манипуляций с акцизными ставками³³. Путь к обогащению для семей, живущих торговлей, вовсе не был перекрыт, и все отчетливее на картине общественной жизни проступала фигура «негоцианта»; этот род занятий постепенно завоевывал престиж, благодаря, в частности, развитию морских путей сообщения с Севильей и Лиссабоном, а также с тропиками после создания первых колоний на Антильских островах. Кроме того, процветали рыболовческий промысел и оптовая торговля дарами моря, не говоря уж об успехах менял, спекулировавших на бесконечных колебаниях денежных курсов. Численность буржуазии увеличивается с появлением людей искусства, офисье и юристов, которых становится все больше по мере утверждения новых судебных инстанций; к ней примыкают врачи и преподаватели бурно развивающихся коллежей.

³² Bardet J.P. Rouen aux XVIIe et XVIIIe siècles. Les mutations d'un espace social. 2 vol. P., 1983 ; Les mouvements migratoires internes dans l'Occident moderne / Sous dir. J.P. Bardet, J.P. Poussou. P., 1994.

³³ Saupin G. Nantes au XVIIe siècle. Vie politique et société urbaine. Rennes 1996 ; Du-moulin J. Le Consulat d'Aix-en-Provence. Enjeux politiques 1598–1692. Dijon, 1992.

Но, будь то торговая, чиновничья или культурная среда, буржуазия стремится размежеваться по профессиональному признаку, сплотиться внутри своих групп и тщательно изолировать себя от простонародья. Несмотря на это, личный состав буржуазии все же стабилизируется и пополняется за счет состоятельной – очень маленькой – части крестьянства: например, до 1650 г. в ряды буржуа влились отпрыски крупных фермеров, обрабатывавших более 100 га земли в Иль-де-Франсе и кормивших Париж, а в другой, совсем иной провинции, в Бретани, доступ в буржуазию до 1680 г. был открыт крестьянам-предпринимателям и торговцам полотном³⁴. Дворянство тоже многолико, внутренние различия в этом сословии всё заметнее: придворные вельможи, владельцы обширных угодий, герцоги и пэры, но также служилая знать и мелкопоместные дворянчики, живущие в бедности. Деньги и здесь приобретают всё большую власть, место рядом со старыми благородными семействами потихоньку занимают королевские финансисты, все еще попахивающие торговыми складами³⁵.

Сушность государства и монархического абсолютизма, их роль в жизни общества тоже были пересмотрены в начале XXI века. На пути к безграничной свободе действий монарха останавливали два важных препятствия – финансы и народные восстания, что, однако, не помешало значительному усилению государственного контроля в XVII столетии. Офисье и постоянная армия с увеличенным личным составом служили подспорьем полицейским методам. Это было известно и раньше. Но в чьих интересах и как действовал король? В процессе исследований абсолютизм потерял для историков тот блеск, которым XVII век сверкал во времена Э. Лависса. Суверен, чьи финансовые запросы то и дело возрастали по причине войн, вынужден был считаться с дворянами, еще не забывшими о своей ратной миссии, при этом часть из них извлекала из происходящего экономическую и моральную выгоду, другая же, не столь удачно устроившаяся, разорялась. Король был уже не единовластным правителем, а скорее судьей в интригах, кипевших при дворе, разделенном на враждующие фракции и клиентелы, предводителями которых становились родственники государя или министры, причем у каждой фракции имелись сторонники за пределами Лувра и Версаля, а значит, они обладали

³⁴ *Moriceau J.M.* Les fermiers de l'Île de France XVe–XVIIIe siècles. P., 1994 ; *Elégoët L.* Les Juloled. Grandeur et décadence d'une caste paysanne en Basse-Bretagne. Rennes 1996.

³⁵ *Duma J.* Les Bourbon-Penthièvre 1678–1793. P., 1995 ; *Levantat Ch.* Duc et pairs et duchés-païeries à l'époque moderne 1519–1790. P., 1996 ; *Nassiet M.* Noblesse et pauvreté. La petite noblesse en Bretagne XVe–XVIIIe siècle. Rennes, 1993 ; *Bourquin L.* Noblesse seconde et pouvoir en Champagne aux XVIe–XVIIe siècles. P., 1994 ; *Chaussinand-Nogaret G.* Les financiers du Languedoc au XVIIIe siècle. P., 1970 (захватывает и XVII в.).

потенциальной возможностью составить мощную оппозицию. Высшая аристократия, таким образом, получала прямой доступ к доходам от военных кампаний³⁶. В провинциях³⁷, вопреки упразднению штатов и развитию аппарата интендантов, многие местные и региональные власти, включая независимые суды, сохранили свою автономию. Депутаты штатов, социального института, в котором историки когда-то видели главного и решительного оппонента центральной власти и деятельность которого правительству удалась свести практически к нулю, не были ни покорными слугами, ни опасными мятежниками. В Бретани они возглавлялись знатью, все чаще принимавшей участие в заседаниях; третье сословие, оказавшееся в меньшинстве, было представлено городским патрициатом. Благодаря своему положению провинциальные элиты добивались налоговых поблажек, жалование на занимаемых должностях позволяло им копить сбережения. Отдача налогов на откуп и королевские займы предоставляли им право на часть прибыли от фискальных сборов, а бремя «безвозмездного дара», условия взимания которого они сами же и определяли, перекладывалось на плечи простого люда. Простой люд, отстраненный от управления государством и считавшийся годным лишь на то, чтобы оплачивать государственные расходы, продолжал при Людовике XIV, как и при Людовике XIII, выражать недовольство любой властью, и в эпоху правления «великого короля» восстаний было куда больше, чем полагали историки прошлых лет, а восстания эти еще сильнее подтачивали основы абсолютизма³⁸.

И последнее, самое примечательное новшество в исторической науке – это бурное развитие истории культуры, или, вернее, социокультурной истории³⁹, которая с каждым годом набирает вес. Список

³⁶ *Cornette J.* Le roi de guerre. Essai sur la souveraineté dans la France du Grand Siècle. P., 1993 ; *Fogel M.* L'Etat dans la France moderne de la fin du XVe au milieu du XVIIIe siècle. P., 1992 ; *Descimon R., Cosandey F.* L'absolutisme en France. Histoire et historiographie. P., 2002 ; *Bayard F.* Le monde des financiers au XVIIe siècle. P., 1988 ; *Dessert D.* Argent, pouvoir et société au grand Siècle. P., 1984.

³⁷ Здесь внимания заслуживают работы англосаксонских историков, таких как *Russel Major J.* From Renaissance monarchy : French kings, nobles and states. Baltimore, 1994 ; *Collins J.B.* Classes estates and order in early modern Brittany. Cambridge, 1994 . См. также: *Le Roy Ladurie E.* Histoire de la France des régions. La périphérie française des origines à nos jours. P., 2001 ; *Legay M.L.* Les Etats provinciaux dans la construction de l'Etat moderne aux XVIIe et XVIIIe siècles. Genève 2001.

³⁸ Ср. с работами И.-М. Берсе, в частности с *Bercé Y.-M.* Histoire des Croquants. Etude des soulèvements populaires au 17e siècle dans le Sud-Ouest de la France. Genève, P., 1974. 2 vol. (rééd. P., 1986). *Nicolas J.* La rébellion française. Mouvements populaires et conscience sociale 1661–1789, P., 2002 (дополняет предыдущую монографию материалом по истории конца XVII в., интерпретированным, правда, в другом ключе).

³⁹ *Muchembled R.* L'invention de l'homme moderne. Sensibilité, mœurs et comportement collectifs sous l'Ancien Régime. P., 1998 ; Histoire culturelle de la France. T. 2 ; *Croix A., Queniat J.* De la Renaissance à l'aube des Lumières. P., 1997.

объектов анализа существенно расширился и вышел далеко за рамки истории менталитетов, включив в себя материальную культуру⁴⁰ – дом со всеми предметами обстановки и атрибутами повседневной жизни, еду, одежду, – а также культуру нравов и обычаев, типологию поведения и общественных отношений со всеми их нормами и кодами, житейскую мудрость и представление о хорошем вкусе. Обычно все эти разнородные элементы связываются с определенными социальными группами и классами и рассматриваются через призму социальных групп и классов. Индивид снова отчасти – лишь отчасти – растворяется в коллективе, даже когда некоторые историки стремятся снизить – скорее намеками, нежели недвусмысленными заявлениями, – классовую обусловленность. Было предпринято изучение литературных, художественных и научных произведений – не только их содержания, но и культурно-исторического контекста, интеллектуального багажа эпохи, материальных и нравственных условий, в которых они создавались, то есть были учтены особенности издания и распространения книг, цензура, формирование круга читателей и почитателей, бытование произведений в обществе – в библиотеках, частных коллекциях, в системе образования. Стало ясно, что восприятие этих произведений вовсе необязательно должно совпадать с замыслом автора – оно зависит от места и времени встречи читателей с продуктом творчества. За бытовым и эмоциональным планом открывается антропологическое измерение, проявлявшееся, к примеру, в игре актеров⁴¹, часто на подсознательном уровне, — это отношение к жизни и к смерти, верования и представления о вселенной. Здесь историческое исследование вплотную подходит к коллективной идеологии и определяющим ее духовным факторам, религии, научным знаниям эпохи. В этом смысле Франция XVII века являет собой конгломерат культур, существующих в разных провинциях и в разной социальной среде, хотя между ними остается сообщение и взаимодействие, в частности между народной и высокой культурами, причем, несмотря на доминирование элит, налицо двустороннее влияние, а не диктат высокой культуры⁴². Однако на фоне расширения коммерческого сектора экономики и умножения торговых связей в обществе действуют четыре силы, ведущие к унификации и всеобщему восприятию культуры элит:

⁴⁰ *Delsalle P.* Le cadre de vie en France XVIe–XVIIe–XVIIIe siècles. Gap, P., 1995 ; *Roche D.* La culture des apparences. Une histoire du vêtement XVIIe–XVIIIe siècle. P., 1989 ; *Idem.* Histoire des choses banales. Naissance de la consommation XVIIe–XVIIIe siècles. P., 1997.

⁴¹ *Vovelle M.* La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. P., 1983 ; *Gélis J., Laget M., Morel M.L.* Entrer dans la vie. Naissances et enfances dans la France traditionnelle. P., 1978.

⁴² *Millot V.* Les cris de Paris ou le peuple travesti. La représentation des petits métiers à Paris XVIe–XVIIIe siècle. P., 1995 ; *Van Daume St.* Le temple de la sagesse. Savoirs, écriture et sociologie urbaine à Lyon XVIIe–XVIIIe siècles, P., 2005.

государство, реформированная церковь, столица – Париж, и пример иностранных держав, Италии и Испании, снижавших авторитет в культурной сфере.

В последние 10–15 лет «великий век» уступил свои позиции XVIII столетию, которое оказалось в центре научно-исследовательских интересов, возможно из-за того, что эпоха Просвещения сделалась ставкой в современной идеологической игре. И все же, как мы уже заметили, была проделана большая работа, и сложившаяся в начале XXI века концепция общества века XVII стала важным шагом вперед по сравнению с тем, что было известно на сей счет в 60-е годы. Однако, вопреки чаяниям эпистемологов 80-х, последовательное развитие теорий тех лет закончилось разрывом преемственной связи – от 60-х остался общий настрой и отдельные элементы, а не сама доктрина. Количественный анализ подтвердил свою значимость и незаменимость во всех областях, даже в истории культуры⁴³. Но выяснилось и то, что одного только количественного анализа недостаточно. Принцип исследования исторического процесса, заключающийся в изучении экономической конъюнктуры и ее воздействия на социальные и, в определенных случаях, на политические структуры, который был предложен Э. Лабруссом в известной монографии 1944 г.⁴⁴, а затем подхвачен и развит П. Виларом за счет включения в него демографической проблематики⁴⁵, получил широкое распространение. Кроме того, сегодня считается общепризнанным фактом постоянное наличие конфликта в жизни любого общества, в том числе общества Нового времени, для которого характерно сильное социальное неравенство. И наконец, современных исследователей не покинуло желание создать всеобщую историю, но этот проект по-прежнему остается неосуществленным, поставленная в 60-х цель не достигнута. Высказанные П. Губером в монографии «Людовик XIV и 20 миллионов французов» иконоборческие мысли по поводу Франции XVII в. также нашли подтверждение. Политика и религия той эпохи и сейчас представляются тесно связанными: для монарха католицизм был спасением от раскола и уздой, державшей подданных в подчинении, взамен государство всячески покровительствовало духовенству, и оно оставалось единственным сословием, у которого были свои собрания, свои финансы и свои постоянные представители при дворе⁴⁶. И монархия, и церковь, в свою очередь, были связаны с общественными элитами напрямую и

⁴³ См., например: *Ménard M.* Une histoire des mentalités religieuses aux XVIIe–XVIIIe siècles. Mille retables de l'ancien diocèse du Mans. P., 1980.

⁴⁴ *Labrousse E.* La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution française. P., 1944.

⁴⁵ *Vilar P.* Croissance économique et analyse historique. P., 1960.

⁴⁶ *Michaud C.* L'église et l'argent : les receveurs généraux du clergé de France aux XVIe–XVIIe siècles. P., 1991.

косвенно, находились во взаимодействии с ними и, прежде всего, со знатью, то есть с состоятельной буржуазией, которая была далека от революционных идей. В противовес теоретическим выкладкам Фюре относительно конца XVIII в., современная историческая наука не говорит об обособленности политики от социальной сферы, но и не утверждает, что их взаимоотношения носили простой и механический характер. И в связи с этим абсолютистское государство представляется еще менее абсолютистским. В социальных и политических структурах сосуществуют противоречащие друг другу элементы – прошлое в обусловленных обстоятельствами и постепенно перерождающихся формах и будущее со своими новшествами, которые дух эпохи не приемлет и отвергает, но они все равно завоевывают пространство с большей или меньшей степенью настойчивости, по мере того как в незыблемом, на первый взгляд, сословном обществе развивается рыночная экономика. Социальная иерархия и категории населения, обозначенные в податных списках 1695 г., почти полностью соответствуют картине общества, отраженной в налоговых документах года 1601-го⁴⁷. Однако, несмотря на консервативность монархического государства и элит тех времен, мы знаем, что в период между эпохой Генриха IV и окончанием правления Людовика XIV произошли важные перемены как в материальной, так и в духовной жизни. Что касается культуры, то современные историки, отказываясь от толкования, близкого к теории самопроизвольного возникновения художественных и научных произведений, считают необходимым рассматривать ее в системе трудноуловимых и порой противоречивых, диалектических связей с социальными и ментальными структурами эпохи, то есть в коллективном аспекте, тем самым, расширяя и углубляя метод исторического анализа, применявшийся в 60-е годы.

Насколько весом вклад французских и восточноевропейских историков, которые в 60-х вели диалог, в нынешнее наше представление о XVII столетии? Помимо фактического материала, введенного в научный оборот некоторыми советскими исследователями и поколебавшего величественный и безмятежный, словно мраморное изваяние, образ «Великого века», научная полемика 60-х указала французам путь к международной сравнительной истории, что способствовало развитию основополагающих концепций исторического анализа в нашей стране.

---

⁴⁷ Solnon J.F. La véritable hiérarchie sociale de l'ancienne France : le tarif de la capitation de 1695. Genève, 1983 ; Barbiche B. La hiérarchie des dignités et des charges au début du XVIIe d'après un état de 1601 // XVIIe siècle. 1987. № 4.